

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'36

А.С. Баранова

КРИТЕРИИ ВЫБОРА РОДА НЕСКЛОНЯЕМЫХ НЕОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РЯДОВЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАЯЗЫКОВЫХ КОММЕНТАРИЕВ)

Статья посвящена особенностям языковой категоризации, рассматриваемым на динамическом участке родовой системы русского языка – новых несклоняемых неодушевленных существительных. Кроме базовых, общепризнанных критериев распределения таких существительных по роду, востребованными оказываются частные принципы, проявляющиеся на периферии грамматической категории рода. Одним из инструментов выявления этих частных критериев может служить анализ высказываний рядовых носителей языка (посетителей интернет-ресурсов) о родовой принадлежности неодушевленных существительных. На основе анализа метакомментариев рассматриваются принципы определения рода несклоняемых существительных с неустоявшейся родовой принадлежностью.

Ключевые слова: языковая категоризация; неодушевленные несклоняемые существительные; метаязыковой комментарий; грамматический род русских существительных; вариативность по роду; критерии определения рода существительных.

Вопрос о критериях определения рода у несклоняемых неодушевленных существительных (далее – ННС) включается в проблематику категоризации объектов действительности, находящихся в центре внимания современной лингвистики (см. работы Дж. Лакоффа [1], А.В. Бондарко и его школы [2] и др.). В русском языке категория рода неодушевленных существительных в настоящее время представляет собой, по выражению В.В. Виноградова, «во многих отношениях палеонтологическое отложение отживших языковых идеологий» [3. С. 57]. Когда-то существовавшая мотивированность родовой принадлежности существительных была утрачена, в современном языке распределение склоняемых неодушевленных существительных происходит автоматически, на основе формальных показателей. С этой точки зрения ННС являются тем динамическим участком языковой системы, который позволяет увидеть принципы категоризации, продолжающие действовать в языке. Признавая то, что категоризация – это феномен скорее онтологический, а показатели языкового сознания – гносеологический, тем не менее подчеркнем взаимосвязь этих различных аспектов языка: по замечанию Н.Н. Болдырева, «язык призван отражать и интерпретировать процесс и результаты познания мира и самого языка, то есть служить средством отражения и реализации гносеологической функции, средством осмысления онтологии мира, его концептуализации, и концептуализации выделяемых в нем категорий в том числе» [4. С. 6]. Соответственно, языковые факты, в которых просматриваются те самые «палеонтологические отложения», могут служить одним из инструментов выявления онтологических оснований языковых категорий (когда одних лишь формальных показателей оказывается недостаточно), в частности грамматической категории рода.

Исследуя критерии отнесенности к роду ННС, можно наблюдать те особенности категоризации, которые были установлены Р. Диксоном и концептуализированы Дж. Лакоффом [1] на материале языка австралийских аборигенов дырбал. При распределении

по родам ННС в русском языке работают несколько критериев, которые были намечены Р. Диксоном: базовая, продуктивная схема и несколько специальных, частных принципов: «принцип области опыта», «принцип мифа и веры» и «принцип важного свойства». Очевидно, что частные принципы напрямую связаны с опытом взаимодействия носителей языка с объектным миром и маркируют наиболее значимые для языкового общества его проявления.

Именно на примере анализа периферийного участка грамматической системы русского языка, где процессы категоризации проявляются еще достаточно живо, носят динамический характер, можно проследить действие тех мотивирующих механизмов, которые определяют выбор того или иного рода ННС, а именно заимствованных существительных, которые проходят сложный и длительный процесс адаптации в чужой языковой системе.

Вслед за Р. Диксоном и Дж. Лакоффом для русских ННС можно определить базовый и частные принципы родовой классификации: в соответствии с первым наименования неодушевленных предметов чаще всего получают статус существительных среднего рода. Этот принцип напрямую ассоциируется с нормативным употреблением данного класса существительных, поэтому его формулировку можно найти во всех современных грамматиках и нормативных справочниках, а также в школьной практике преподавания русского языка. В словарных материалах этот принцип является наиболее значимым, и наибольшую последовательность в его отображении можно найти в толковых словарях русского языка (таких, как [5–7] и др.), а также в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка [8]. Распределение так называемых исключений из базового правила в мужской или женский родовой класс обуславливается действием одного или нескольких частных правил. Некоторые из них ранее уже были выявлены исследователями. Так, Г.И. Панова выделяет закономерности, предопределяющие родовую принадлежность существительных в системе языка и отмечает,

что «одно и то же существительное может относиться к данному роду на основании нескольких принципов» [9. С. 84]. Родовая принадлежность слов-исключений (например, *салями*, *брокколи*), собственных ННС (*Миссисипи*, «*Таймс*») и несклоняемых аббревиатур (*ГАИ*, *ООН*) определяется родом соответствующего родового понятия ('колбаса' (ж.р.), 'капуста' (ж.р.), соотносительного нарицательного существительного ('река' (ж.р.), 'газета' (ж.р.)) и стержневого слова ('инспекция' (ж.р.), 'организация' (ж.р.)). И. Атанасова [10] добавляет к вышеназванным основаниям возможность определения рода ННС по роду склоняемого синонима (*шато* 'замок, дворец' – м.р.), этимона в языке-источнике (*эку* 'монета' – м.р.), имени и фамилии (*бодони* 'группа типографских шрифтов' – м.р.), от которых образовано ННС.

Таким образом, в русском языке одновременно существуют несколько правил, или критериев, определения рода ННС. Носитель языка оказывается перед выбором одного из этих правил, что приводит к существованию вариативности по роду существительных, относящихся к динамическому участку языковой системы. В результате не только в практике реального употребления, но и в лексикографических источниках одна лексема может быть отнесена к нескольким родовым классам. Ср.: «**ЭСКУДО**, нескл., м. и ср. (кон. XIX – нач. XX в.). Португальская и испанская денежная единица. *Португальский эскудо. Сентаво – сотая доля эскудо*» [11].

Кроме того, в словарях наблюдается несоответствие грамматических помет, фиксирующих вариативность (м. и ср.; род не уст.), и иллюстративного материала: **БИЕННАЛЕ**, нескл., ж. (спец.). **Выставка**, проводимая регулярно один раз в два года. *Б. современной живописи. Архитектурное б.* [5]. Это обусловливается тем, что, во-первых, словари, как правило, в иллюстративном материале фиксируют практику реального употребления: цитаты из текстов СМИ, данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а во-вторых, отражают субъективное мнение составителей словарей, которые находятся в текущей языковой ситуации и квалифицируют языковое явление динамического характера как обычные носители языка. Таким образом, современные лексикографические источники, содержащие информацию о роде новых ННС, выполняют скорее фиксирующую функцию, чем предписывающую, или нормативную.

Если материал лексикографических источников, НКРЯ позволяет выявить действие, главным образом, базового принципа определения рода ННС, а также некоторых частных правил, то для выявления скрытых механизмов работы языкового сознания носителя языка, производящего категоризацию (процесс определения рода ННС), наибольшей эвристической ценностью обладает метаязыковой комментарий. Анализ метакомментария позволяет выявить реально существующие в сознании говорящих критерии определения родовой принадлежности новых ННС, или уровни категоризации. Такой метакомментарий является составной частью обыденного метаязыкового сознания или, по Н.Д. Голеву, формой «осознанной рефлексив-

ной деятельности рядовых носителей языка, объектом которой выступает сам язык, речь, языковое сознание и языковая личность» [12. С. 11].

В современной лингвистике можно говорить о своего рода «взрыве» интереса к проблематике метаязыковой рефлексии носителей языка. Изучается история вопроса, устанавливаются границы и объем этого явления (работы Н.Д. Арутюновой [13], И.Т. Вепревой [14], Н.П. Перфильевой [15] и др.), многоаспектное исследование этой проблематики представлено в серии коллективных монографий под редакцией Н.Д. Голева [16–19]. К проблеме метаязыкового сознания обращались при исследовании культуры речи и языковой нормы, в диалектологических исследованиях при изучении высказываний информантов об особенностях говоров ([20, 21]), а также в смежных направлениях антропоцентрической лингвистики (психолингвистики, социолингвистики, онтолингвистики и др.). Метаязыковая рефлексия рядовых носителей языка исследуется на материале текстов СМИ [22 и др.], а также в сетевом дискурсе (см.: [16. С. 354–377; 23 и др.]). На особый характер языковедческих высказываний рядового носителя языка указывает Э.В. Колесникова, отмечая, что «наивные языковедческие теории порой на удивление совпадают с теориями, возникающими в рамках профессиональной лингвистики, отличаясь от последних лишь тем, что изложены, так сказать, «простыми словами»» [24. С. 121].

Однако не все уровни языка в равной степени исследуются через призму метаязыкового сознания. Так, интерес к изучению морфологического уровня языка проявился в недавнее время. В этом плане можно отметить работу В.О. Макавчик, исследующую семантику видовой оппозиции на материале психолингвистического эксперимента [25], а также исследования С.Н. Цейтлин [26] по грамматике детской речи, публикации участников конференции «Народная лингвистика» [27]. Наиболее близкими к нашей теме являются работы Н.Д. Голева [28] и О.Ю. Горбачевой [29], исследующих существительные общего рода в аспекте гендерной семантики, а также статья Б.Ю. Нормана [30], связывающая категорию рода с процессами языковой категоризации на материале периферийных зон этой категории. Однако попыток исследовать феномен родовой вариативности ННС через призму метаязыкового сознания, которое является инструментом анализа классифицирующей функции грамматической категории рода существительных, пока не было принято.

Материалом для анализа в данной статье послужили метаязыковые контексты, или комментарии – «высказывания или группы высказываний, в контексте которых факт языка или речи получает метаязыковую оценку» [31. С. 11] – посетителей различных форумов, социальных сетей и комментаторов интернет-дневниковых записей, содержащие в себе мнение о родовой принадлежности того или иного ННС. На их основе были выделены критерии, релевантные для участников интернет-коммуникации (далее – УИК) при определении рода НС. Из числа ННС с вариативностью по роду были выявлены лексемы, которые

находятся в активной зоне языковой метарефлексии. Наиболее обсуждаемые пользователями лексемы можно распределить по следующим тематическим группам: «алкогольные напитки» – *виски, бренди, мартини, сакэ*; «марки автомобилей» – *вольво, ауди, БМВ, феррари, порше, мицубиси, бентли, шевроле*; «специи, приправы» – *чили, карри*; «фрукты» – *киви, фейхоа, помело, кивано*; вне групп – *евро, биеннале, фэнтези*.

Методом сплошной выборки было выявлено более 400 различных по степени осознанности и развернутости экспликации контекстов из нескольких интернет-источников (LiveJournal, Ответы Mail.Ru, Большой Вопрос, форумы автомобилистов). Исключались повторяющиеся констатирующие высказывания, содержащие утверждение об отнесении ННС к какому-либо роду, а также справочные материалы, размещенные на специальных ресурсах (например, справки на сайте Грамота.ру). При этом не ставилась задача отграничить высказывания специалистов-филологов от мнения рядовых носителей языка, так как в условиях интернет-дискурса со свойственной ему анонимностью такое разграничение представляется довольно проблематичным, а филологи выступают в качестве обычных интерпретаторов языковых фактов. Из общего корпуса были выбраны наиболее репрезентативные комментарии, составившие основную выборку из 133 контекстов, выявлены типичные критерии, которыми УИК руководствуются при определении рода ННС, произведен их статистический подсчет.

Выявленные типы можно условно разделить на две макрогруппы: с преимущественно лингвистическими и преимущественно экстралингвистическими критериями выбора рода ННС.

I. К преимущественно **лингвистическим критериям** выбора рода ННС относятся те, мотивирующий механизм которых связан с осознанной рефлексией УИК по установлению взаимосвязей между языковыми явлениями. К этой группе отнесены следующие критерии: общего правила, семантической аналогии, первоисточника наименования и словообразовательный.

Критерий общего правила – не самый частотный (19 контекстов, ~15% от общего количества), является наиболее нормативным, некоей базовой схемой для практики употребления данных лексем. В этих контекстах объясняется принадлежность рода ННС исходя из основного правила, согласно которому ННС относятся к среднему роду: *Лично я привык употреблять средний род, поскольку трактую слово «фэнтези» значительно шире, чем это позволяет его буквальный перевод, и руководствуюсь правилом определения рода существительных, по которому заимствованные неодушевленные существительные относятся, как правило, к среднему роду* (орфография и пунктуация авторов в контекстах сохранены) (Какого рода слово «фэнтези». URL: <http://lartis.livejournal.com/328428.html>). Данный критерий по распространенности в метаязыковых комментариях конкурирует со следующим критерием.

Критерий семантической аналогии насчитывает наибольшее количество контекстов из нашей выборки

(52 контекста, ~40% от общего количества). В соответствии с этим критерием (как назвал его один форумчанин, «здорового смысла») УИК подбирают ближайшую семантическую аналогию или ищут гипероним с явными показателями рода: *Насколько я понимаю, Чинзано – оно, потому что вино. Мартини – он, потому что вермут (Или коктейль – это как получится)* (Мартини и чинзано. URL: <http://kat-bilbo.dreamwidth.org/46749.html>); *Фейхоа – это по сути ягода, спелая фейхоа – слово женского рода* (Какого рода фейхоа. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/501302>), ср: *Фейхоа – это плод, следовательно, мужского рода* (Здоровый продукт. URL: <https://otvet.mail.ru/question/81662309>). В контекстах с лексемой *фейхоа* опорой выступают разные гиперонимы внутри одной объяснительной модели: «ягода и «плод», следствием чего становится вариативность данной лексемы по роду, проявляющаяся в практике реального употребления.

В одном метакомментарии может выдвигаться сразу несколько гиперонимов для определения рода ННС: *Смотря от чего отталкиваться. Если как вино, то среднего. Если как Вермут, то получается мужского (мартини)* (Ответы Mail.ru. URL: <https://otvet.mail.ru/question/17512713>); *Тут, по-моему, нет общего принципа, а есть тенденции только. Мне когда-то говорили, что выбор рода несомненно заимствованных слов определяется каким-нибудь близким по смыслу словом. Для "виски" это слово "напиток" – тогда в результате "виски" мужского рода. Но конкурирует с "напитком" слово "вино"* (Мартини и чинзано. URL: <http://kat-bilbo.dreamwidth.org/46749.html>).

О продуктивности такой модели (род гипонима определяется родом гиперонима) говорит тот факт, что она может применяться в различных тематических группах. Особенно часто этот критерий встречается при обсуждении родовой отнесенности слов, обозначающих марки автомобилей (наибольшее количество контекстов в данной группе критериев). Принадлежность марок к тому или иному роду устанавливается исходя из поиска аналогий с различными гиперонимами: одни соотносят ННС со словами «марка», «машина»: *Вольво – марка автомобиля (ж.р.)=> новая Вольво* (Пишу правильно. URL: <http://pishu-pravilno.livejournal.com/1378595.html>) – соответственно, причисляя лексему «вольво» в женскому родовому классу; другие указывают на предпочтительность мужского рода (по аналогии с литературным «автомобиль»): *Вольво – мужской род. Определяющим здесь служит литературный родовой термин АВТОМОБИЛЬ, а не более разговорное МАШИНА* (Пишу правильно. URL: <http://pishu-pravilno.livejournal.com/1378595.html>). В некоторых случаях допускается существование нескольких равнозначных либо отличающихся стилистической окраской вариантов: *...может быть любого. Если в контексте речь об автомобиле – то БМВ он, если о машине – то она. Но может быть и авто – тогда оно* (Какого рода слово БМВ. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/391414.html>). Этот пример

свидетельствует о том, что реальное употребление таких лексем приводит к вариативности по роду: в приведенном контексте эксплицируется вариативность по всем трем родам.

Особо стоит отметить в этой группе контекстов уникальный случай определения рода ННС по другой объяснительной модели – через установление гипонима, т.е. род ННС определяется по роду видовых наименований: *Виски* – напиток мужского рода. <...> В большинстве российской периодики почему-то считается, что "виски" – среднего рода. А потребитель (который, как известно, всегда прав), заказывая в баре виски, просит "один скотч", "один бурбон", "один Джеймсон", "один Чивас Ригал", "один Джек Дениэлс", или просто "один вискаррик" (Знаете ли вы, что... URL: <http://www.progulka.ru/znatoki/200202/05.html>). Несмотря на иронический характер приведенного контекста, в нем можно увидеть особый пример объяснения мотивирующего механизма: приведенные видовые наименования виски – *скотч, бурбон, Джеймсон, Чивас Ригал, Джек Дениэлс* – являются существительными мужского рода, что оказывает влияние на приобретение ННС того же рода, что и гипонимы.

Критерий первоисточника наименования (3 контекста, ~3% от общего количества) – группа контекстов, в которых предлагается определять род русского ННС на основании характеристики слова в языке-первоисточнике, что является примером ложных представлений носителей языка о взаимосвязях между языковыми единицами. Большинство контекстов относится к обсуждению рода слов-названий автомобильных марок: *...А вообще все зависит от страны-производителя авто и какого рода там слово "машина" ("автомобиль"). Н-р, у немцев, это слово мужского рода. И правильно называть BMW, Audi, Mercedes – как "он"... В других странах – почти всегда то же самое* (Audi Forum. URL: <http://nwac.ru/forum/topic/3131-ferrari-деревянное>). В данном примере осуществляется перенос языкового явления, характерного для одного языка, на другую языковую систему. К установлению ложной системности можно отнести и случаи определения родовой характеристики названий автомобиля по половой принадлежности основателя марки: *Как Порше может быть ОНА, если это фамилия мужчины? ОНО, но это только про Кайен* (Екатеринбург Онлайн. URL: <http://m.e1.ru/f/18/1848513/>); *Феррари – он. По крайней мере, так звали основателя марки, а он был мужчиной* (Автопанорама. URL: <http://ap.by/news/a-192.html>). Подобная аргументация, как правило, не находит поддержки среди других участников обсуждения. Однако даже ложные представления о принципах категоризации важны для исследования родовой принадлежности ННС: во-первых, они свидетельствуют о поисках мотивации рода, во-вторых, в них эксплицируются механизмы – поиск соответствующего гиперонима и включение в модель метонимического переноса, не свойственного данной категории, но возможного в других случаях (например, в грамматической категории числа).

Один из наиболее редких, периферийных критериев, представленный немногочисленной группой контекстов, – **словообразовательный критерий** (2 контекста, ~1,5% от общего количества). В таких контекстах УИК мотивируют род ННС родом его дериватов: *Я в мужском употребляю, ибо "вискаррь" :)* (Ответы Mail.ru. URL: <https://otvet.mail.ru/question/60500426>); *Спрашиваю супругу – "у нас машина какого рода", а она мне "ну ты вообще вопрос придумал, то есть нет вопроса-- ОНА".* "Послушай" и начала мне распевать **всякие уменьшительные производные от названия авто**. Послушал, вроде, правильно. Но я думаю, что пол применительно к авто /ИМХО/ не применим (Chevrolet.club. URL: <http://chevrolet-daewoo.ru/forum/viewtopic.php?f=41&t=7152>). Не исключаем, что данный пример носит иронический характер и в нем используется прием языковой игры (в широком смысле).

II. Преимущественно **экстралингвистическими** мы назвали критерии выбора рода у ННС, природа которых напрямую не связана с лингвистическими знаниями носителей языка, а опирается на иные основания – как практические (например, обращение к авторитетному источнику), так и эмоциональные (субъективное отношение носителей языка к денотату), интуитивные.

Итак, можно выделить **критерий субъективного отношения к объекту действительности** (20 контекстов, ~15% от общего количества). В этом случае определение рода ННС базируется не на основании связи с другими словами в системе языка, а на явлении олицетворения с опорой на коннотативный компонент родовой семантики, включающий в себя, по замечанию Г.А. Хайрутдиновой, «образные, эмоционально-оценочные и стилистические элементы, которые обусловлены рядом причин. Из них наиболее важными являются: общепсихологические особенности человеческой психологии в плане осмысления биологического пола живого предмета...» [34]. Об этих скрытых семантических признаках писал также и В.В. Виноградов, цитирующий А.А. Шахматова: «...рядом с грамматическими представлениями о роде в нас живет и сознание реальных родовых представлений, зависящих от наших представлений о поле живых существ. "Эти реальные представления влияют на грамматические представления, подчиняя их себе"» [3. С. 58]. Зачастую в контекстах, содержащих в себе указание на данный критерий, бывает сложно провести границу между ироничными и «серьезными» высказываниями.

Как показал языковой материал, наиболее существенными по отношению к напиткам (алкогольным и безалкогольным) может быть несколько характеристик денотата. Так, признак крепости часто передается через приём олицетворения, когда напитку приписываются качества живого существа, например сильный характер: *Виски – это он. В некоторых языках, кстати, есть такая традиция – применять мужской род к чему-то сильному, а женский – к чему-то слабому. Например, любовь во многих языках мужского рода. Виски – это крепкий алкогольный напиток,*

возможно поэтому он мужского рода. Но сейчас уже не найдешь причин, это лишь мое предположение (Виски: это он или оно? Или они? URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/31669-viski-eto-on-ili-ono-ili-oni.html>) – в данном контексте УИК обращается к «мифологическим» представлениям, согласно которым за половыми различиями живых существ закрепляется также и определенная семантика – в частности, обладание большей силой характерно для существ мужского пола. В следующем контексте, несомненно иронического характера, эксплицируется существующая в сознании человека связь между родовой характеристикой лексемы и таким семантическим компонентом, как «качество» или «соответствие определенному уровню качества»: ...кофе – это смотря как его сделаешь. Если правильно сваренный – то он. Растворимое из баночки – это оно. А та бурда, что на вокзале из бачка – это вообще она (Филоложцы! Не дайте пропасть. URL: <http://kat-bilbo.dreamwidth.org/46749.html>) – при этом положительный полюс шкалы качества соотносится с мужским родом, отрицательный – с женским, а срединное, компромиссное положение – со средним родом. Ассоциации, связанные с тем, кто употребляет напиток, также могут стать опорным признаком для квалификации по роду лексемы «виски»: Конечно же, мужского. **В женщине глубоко сидит неприятие алкоголя. Видимо, на генетическом уровне срывает чувство защиты. Не любят они, когда мужья пьют. В советские времена во всех издательствах корректорами сидели тетеньки, вот они и отнесли виски к среднему роду. Когда женщинам попадает текст со словом "виски", они пытаются приписать его средним родом** (Алкогольные советы профессионала. URL: <http://www.alcomag.ru/article/62.html>). В данном контексте, представляющем собой выдержку из интервью эксперта по алкогольным напиткам, средний род лексемы «виски» объясняется экстралингвистически – субъективным отношением автора к денотату.

Схожие дополнительные семантические критерии привлекаются для объяснения родовой отнесенности марок автомобилей, когда им приписывают свойство одушевленного объекта, живого существа – отнесенность к мужскому или женскому полу. Иначе говоря, срабатывает механизм олицетворения: **Всё зависит от отношения** (с учётом – "моя" или "соседское"). Например, "моя "вольвовка" (любимая машина), "его "Вольво" (ср. "авто"). ("Синий "вольво" или синее "вольво"? URL: <http://speakrus.ru/21/f2169.htm#10>).

«Одушевление» денотата характерно и для группы контекстов, определяющих род слова *фэнтези*. Так, оно часто ассоциируется с существом женского пола: *И я за женский. Но не только потому, что привык, а и потому, что фэнтези – часть фантастики (ж.р.), а фантастика – часть литературы (ж.р.), а в фантастике есть научная (ж.р.), прогностическая (ж.р.), сказочная (ж.р.) и так далее. И вдруг среди всех этих милых женщин появляется некое создание среднего рода. Ощущение лично у меня возникает*

странное – будто среди живых появляется нечто неодушевленное... (Какого рода слово "фэнтези"? URL: <http://lartis.livejournal.com/328428.html>); ...*действительно получается – средний. Но интуитивно мне почему-то хочется видеть ещё одну "сестрёнку", а не "неведому зверушку" среднего рода* (Какого рода слово "фэнтези"? URL: <https://fantlab.ru/forum/forum1page1/topic5261page1>). Здесь средний род отмечается на том основании, что он несёт семантику неодушевленности, а это противоречит их эмоциональному отношению к денотату. Кроме того, в данном примере можно наблюдать контаминацию частных принципов определения рода: они привлекаются как гипонимические (разновидности фэнтези), так и гиперонимические (по гиперонимам «фантастика», «литература» и др.) основания.

С данной группой контекстов тесно связана другая, где критерий выбора рода ННС мы условно обозначили как **критерий внутреннего ощущения** (3 контекста, ~2% от общего количества). Здесь УИК проявляют меньшую степень лингвистической осознанности и аргументируют выбор рода интуитивно, при этом они могут знать, а могут и не знать существующее правило: *Лично у меня это словечко явного среднего рода, не по правилам, но по внутренним ощущениям. Так для меня естественнее – русское фэнтези, женское фэнтэзи* (Приключения русского языка: Фэнтэзи, как вас называть? URL: <http://www.livelib.ru/magazine/post/2673>).

В следующую группу – **критерия авторитетов** (19 контекстов, ~14% от общего количества) – были включены контексты, в которых на первое место выходит не поиск объяснительных моделей, а обращение к авторитетным для себя источникам – как «филологическим», так и «нефилологическим».

В числе «филологических» авторитетов среди пользователей Интернета наиболее цитируемым является ресурс Грамота.ру, которому большинство пользователей доверяет решение по выбору рода в спорных ситуациях, о чем говорят такие метавысказывания: *Я верю грамоте.ру. Там утверждает, что среднего рода. Да и женский род как-то нелогичен...*(о слове *фэнтези*) (Приключения русского языка: Фэнтэзи, как вас называть? URL: <http://www.livelib.ru/magazine/post/2673>). Однако не все комментаторы полагаются исключительно на справку Грамоты.ру и привлекают в спорах и другие источники, например «Русский орфографический словарь» под редакцией В.В. Лопатина [33], «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова [5], словарь языковых изменений Г.Н. Скляревской [34]. Количество таких примеров сравнительно мало и, как правило, характеризует более высокий уровень метаязыковой рефлексии комментирующих, проявляющих большую филологическую осведомленность: *Я склоняюсь к более старым источникам, им я доверяю больше. В современных словарях кофе и среднего, и мужского рода, что указывает на ликвидацию грамотности* (Там же). *Как раз у Ожегова (и у меня тоже) "виски" – среднего рода* (Какого рода слово «фэнтези»? URL: <http://lartis.livejournal.com/328428.html>).

К группе контекстов, в которых УИК опираются на «окофилологические» и «нефилологические» авторитеты, относятся те, где они обращаются не к словарям, а к другим источникам при аргументации отнесенности ННС к роду. Такими источниками служат: а) литературные произведения: *"Вон пастухи в амбаре пьют "Шанель" / и обсуждают новое Бьеннале. / В тумане чье-то светит декольте" (с)* (Знаком (с) в сетевом дискурсе принято обозначать цитату.) *когда такое с детства слушаешь, это уже в подкорке :) (Пишу правильно. URL: <http://pishu-pravilno.livejournal.com/2795573.html>); б) специальные словари / справочники профессиональной области: *Как гласит «Библия бармена», виски имеет средний род!* (Виски.ру. URL: http://viski.ru/fullcomment_page.php?page=/on.html); в) мнение экспертов, специалистов в какой-либо профессиональной области (не филологов) или даже конкретных лиц, выступающих для УИК авторитетом: *Словари меня мало волнуют – они могут запаздывать в описании лингвистической ситуации. А для изданий АСТ распоряжение главреда было для меня достаточным основанием* (Какого рода слово "фэнтези"? URL: <http://lartis.live-journal.com/328428.html>); *В большей части российской периодики слово "виски" употребляется в среднем роде. В то время как специалисты и профильные СМИ уже давно перешли в отношении виски на мужской род* (Знаете ли вы, что... URL: <http://www.progulka.ru/znatoki/200202/05.html>) – авторитет профессиональной среды.*

Количество подобных контекстов сравнительно невелико, но мы считаем важным особо подчеркнуть сам факт влияния такого критерия, как употребительность в профессиональной среде, на выбор рода, осуществляющегося в пользу одного из маркированных членов родовой оппозиции – мужского или женского, а не к среднего рода. Этот факт указывает на то, что семантический критерий при определении рода ННС, проявляющийся в форме олицетворения неодушевленного предмета и как знак «уважительного отношения», имеет большое значение.

Можно выделить еще один критерий, на наш взгляд, находящийся на границе двух выделенных макрогрупп, – **критерий благозвучности** (13 контекстов, ~10% от общего количества). К этой группе мы отнесли контексты, в которых выбор рода ННС мотивируется эстетическими соображениями – красотой звучания или удобством, привычностью произнесения и звучания (фонетического облика): *ой, и я в мужском... Мне так красивее...* (о словах *виски* и *бренди*) (CHETVERGVECHER. URL: <http://chetvergvecher.livejournal.com/447418.html>); *Всё в мужском, по-другому язык не повернется* (о словах *виски* и *бренди*) (Там же); *Думаю, благозвучней всего будет женский род, несколько менее – средний, мужской звучит совсем плохо* (о слове *вольво*) (Пишу правильно. URL: <http://pishu-pravilno.livejournal.com/1378595.html>).

Есть также примеры, в которых этот критерий выводится из субъективного плана в объективный, приписывая ему статус общеязыкового правила: *"Вольво" – это не "город Баку", а общее название весьма разнообразной продукции, и род этого слова определяется по благозвучности* (Скажите, пожалуйста, какого рода "Вольво"? URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/375488.html>).

Итак, анализ метаязыковых комментариев показал, что рядовые носители языка способны определять периферийные участки языковой системы – те, по отношению к которым не действуют жесткие правила. Отсутствие у ННС категоризации, базирующейся на формальных (морфологических) критериях, активизирует другие основания родовой классификации этих существительных. Поскольку русский язык обладает сложной, многоуровневой и многоаспектной системой распределения склоняемых существительных по родовым классам, то у слов, относящихся к периферии этой системы, возникает конкуренция между несколькими критериями выбора. Базовая схема для ННС – средний род как маркер неодушевленности – в этой ситуации недостаточен, так как при родовой характеристике русских склоняемых неодушевленных существительных данный критерий является второстепенным.

Включение ННС в существующую систему родовых классов существительных ведет к тому, что оказываются востребованными несколько частных принципов, используемых не только при определении рода склоняемых слов, но и для других способов грамматической категоризации. К таким способам относим: бессознательную опору на трехуровневую систему (по Дж. Лакоффу) – распределение по классам либо в соответствии с суперуровнем (с ориентацией на род гиперонима), либо с субуровнем (с опорой на род гипонима), а также языковые механизмы метонимии, олицетворения, благозвучия (фонетического облика) и др.

Таким образом, распределение ННС по родовым классам не только характеризует эту грамматическую подсистему, но и связано с общими принципами языковой категоризации в целом, а метакомментарии рядовых носителей языка представляют собой тот редкий случай, когда процесс категоризации открыт для наблюдения и анализа лингвиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с. (Язык. Семиотика. Культура).
2. Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2008. 470 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
4. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование: ОНИКС-ЛИТ, 2012. 1376 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999.
7. Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / РАН, Институт лингвистических исследований. М.: Наука, 2004. Т. 1–23 (издание продолжается).

8. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение: ок. 110000 слов. 4-е изд., испр., доп. М.: Русские словари, 2003. 800 с.
9. Панова Г.И. Современный русский язык. Морфология: словарь-справочник. Ч. 1. 2-е изд., исп. и доп. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. 264 с.
10. Атанасова И. Несклоняемые существительные в современном русском языке. Велико Търново: Фабер, 2013. URL: <https://ivanka-textbooks.googlecode.com/svn/trunk/Nesklonyaemie-soshstvitelnie-v-russkom-yazike/Nesklonyaemie-soshstvitelnie-v-russkom-yazike-Ivan-ka-Atanasova.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).
11. Современный словарь иностранных слов: Толкование. Словоупотребление. Словообразование. Этимология: Ок. 7 200 слов, 14 400 словосочетаний и предложений, 1 750 цитат / Л.М. Баш, А.В. Боброва, Г.Л. Вечеслова, Р.С. Кимягарова. 3-е изд., доп. М.: Цитадель-трейд, 2002. 960 с.
12. Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 1. С. 7–41.
13. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка [Введение] // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7–19.
14. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.
15. Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. 285 с.
16. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 1. 532 с.
17. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. Ч. II. 457 с.
18. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2010. Ч. III. 459 с.
19. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2011. Ч. IV. 481 с.
20. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. 194 с.
21. Блинова О.И. Лексикографическая параметризация метаязыка мотивологии // Методология современной лингвистики. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 53–60.
22. Кормилицына М.А. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 20–24.
23. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165–185.
24. Колесникова Э.В. Наивная лингвистика и наивная риторика: к проблеме исследования и описания // Филологические науки в МГИМО. М.: МГИМО-Университет, 2002. № 11. С. 120–130.
25. Макавич В.О. Видо-временная категоризация русского глагола в языковом сознании носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 27 с.
26. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.
27. «Народная лингвистика» – взгляд носителей языка на язык: тез. докл. Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 года “Folk linguistics”: Language from Speakers’ Perspective: Paper abstracts for the conference, St. Petersburg, November 19–21, 2012. СПб.: Нестор-История, 2012. 100 с.
28. Голев Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 14–28.
29. Горбачкая О.Ю. Отражение гендерно-родовых отношений в системе языка и метаязыковом сознании носителей языка: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 229 с.
30. Норман Б.Ю. Грамматическая категория рода как фрагмент обыденного метаязыкового сознания // Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2010. Ч. 3. С. 87–105.
31. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста: метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. М.: Флинта: Наука, 2011. 325 с.
32. Хайрутдинова Г.А. Экспрессивность грамматического рода субстантивов: анализ семантической структуры // Сопоставительная филология и полилингвизм. Казань, 2003. С. 155–161. URL: <http://old.kpfu.ru/fil/kn1/index.php?sod=24> (дата обращения: 12.01.2016).
33. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.) и др. М., 2004. 960 с.
34. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 сентября 2016 г.

THE CHOICE OF GENDER OF INANIMATE INDECLINABLE NOUNS BY ORDINARY NATIVE SPEAKERS (ON THE MATERIAL OF METALINGUISTIC COMMENTS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/412/1

Anna S. Baranova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ba-anna@mail.ru

Keywords: categorization in language; inanimate indeclinable nouns; gender of Russian noun; variability of gender; linguistic criteria; non-linguistic criteria.

The article describes the features of linguistic categorization, considered on a dynamic part of the gender system of the Russian language – new indeclinable inanimate nouns (IIN). Analysis of the peripheral part of the grammatical system of the Russian language, where categorization processes are still vivid, can show the motivational mechanisms that determine the choice of one or another gender of IIN, namely borrowed nouns, which undergo a complex and lengthy process of adaptation in the foreign language system. In addition to basic, universally accepted criteria for the classification of nouns into genders, reference to which can be found in modern grammars and dictionaries, there are popular specific principles, manifested in the periphery of the grammatical category of gender and only partially addressed in the research literature. In this paper, the author attempts to explore these specific criteria in the metalinguistic comments of native speakers, visitors of various Internet forums, on the gender of IIN characterized by gender variability. 133 contexts with anchor words – IIN of different thematic groups (“alcoholic beverages”, “car brands”, “spices”, “fruits”, etc.) – have been analyzed, and a statistical calculation has been made. The identified types were divided into two macro-

groups: predominantly linguistic and extra linguistic criteria of the choice. Linguistic criteria are those whose motivating mechanism operates based on the linguistic intuition or linguistic knowledge of speakers: the criterion of the general rule, when speakers categorize INN as belonging to the neuter gender, according to the general gender rule for inanimate nouns; the criterion of semantic analogy, when speakers find a synonym or a hyperonym with clear indicators of gender; peripheral criteria of the original source of a name, when speakers determine the INN gender by its gender in the source language; the derivational criterion, when speakers motivate the INN gender by the gender of its derivatives. Extra-linguistic criteria for choosing the INN gender are not directly connected with language rules, although are partly based on them. The criteria of this macro-group correspond to two trends: the determination of gender based on emotional attitude towards the denotation (its embodiment); reference to various authorities (for example, dictionaries or experts in the subject area), based on which the conclusion about the INN gender is made. Having analyzed the material, the author came to a conclusion that besides the well-known INN gender criteria, fixed in dictionaries and grammars, extra-linguistic criteria are also important for the processes of categorization, which suggests the trends of the influence of semantics (linguistic or non-linguistic) in determining the gender of INN. There are some specific principles for INN gender determination popular among native speakers, such as an unconscious focus on the hypo-hyperonymic relations of INN with other words, linguistic mechanisms of metonymy, personification and euphony. Thus, the INN classification into genders is connected not only with the structure of this grammatical category, but also with the general principles of linguistic categorization as a whole.

REFERENCES

1. Lakoff, J. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things: What categories of language tell us about thinking]. Translated from English by I.B. Shatunovskiy. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Bondarko, A.V. & Shubik, S.A. (eds) (2008) *Problemy funktsional'noy grammatiki: Kategorizatsiya semantiki* [Problems of functional grammar: semantic categorization]. St. Petersburg: Nauka.
3. Vinogradov, V.V. (1972) *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Boldyrev, N.N. (2006) Yazykovye kategorii kak format znaniya [Language categories as knowledge format]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 5–22.
5. Ozhegov, S.I. (2012) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. 28th ed. Moscow: Mir i Obrazovanie: ONIKS-LIT.
6. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Gorbachevich, K.S. et al. (eds) (2004) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka: v 30 t.* [The Big Academic Dictionary of the Russian language: in 30 vols]. Vols 1–23. Moscow: Nauka.
8. Zaliznyak, A.A. (2003) *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie: ok. 110000 slov* [Grammatical Dictionary of the Russian language: Derivation: approx. 110000 words]. 4th ed. Moscow: Russkie slovari.
9. Panova, G.I. (2003) *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya: slovar'-spravochnik* [Modern Russian language. Morphology: a reference dictionary]. Pt. 1. 2nd ed. Abakan: Khakass State University.
10. Atanasova, I. (2013) *Nesklonyaemye sushchestvitel'nye v sovremennom russkom yazyke* [Indeclinable nouns in modern Russian]. Veliko Trnovo: Faber. [Online] Available from: <https://ivanka-textbooks.googlecode.com/svn/trunk/Nesklonyaemye-soshchestvitelnie-v-russkom-yazyke/Nesklonyaemye-soshchestvitelnie-v-russkom-yazyke-Ivan-ka-Atanasova.pdf>. (Accessed: 12th January 2016).
11. Bash, L.M., Bobrova, A.V. Vecheslova, G.L. & Kimyagarova, R.S. (2002) *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: Tolkovanie. Slovoobrazovanie. Etimologiya: Ok. 7 200 slov, 14 400 slovosochetaniy i predlozheniy, 1 750 tsitat* [Modern dictionary of foreign words: Interpretation. Usage. Word formation. Etymology: c. 7200 words, 14 400 phrases and sentences, 1750 quotes]. 3rd ed. Moscow: Tsitadel'-tretyd.
12. Golev, N.D. (2009) Obydennoe metazykovoe soznanie kak ontologicheskii i gnoseologicheskii fenomen (k poiskam "lingvognoseologem") [Ordinary metalinguistic consciousness as ontological and epistemological phenomenon (on the search of "linguognoseologemes")]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Pt. 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
13. Arutyunova, N.D. (2000) Naivnye razmyshleniya o naivnoy kartine yazyka [Vvedenie] [Naive reflection on the naive picture of language [Introduction]]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
14. Veprev, I.T. (2002) *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language reflection in the post-Soviet era]. Ekaterinburg: Ural State University.
15. Perfil'eva, N.P. (2006) *Metatekst v aspekte tekstovykh kategoriy* [Metatext in the aspect of textual categories]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
16. Golev, N.D. (ed.) (2009) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Pt. 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
17. Golev, N.D. (ed.) (2009) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Pt. 2. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
18. Golev, N.D. (ed.) (2010) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Pt. 3. Kemerovo: Kemerovo State University.
19. Golev, N.D. (ed.) (2011) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Pt. 4. Kemerovo: Kemerovo State University.
20. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya* [Metatext as a form of metalinguistic consciousness explication]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Blinova, O.I. (2000) Leksikograficheskaya parametrizatsiya metazyka motivologii [Lexicographic metalanguage parameterization of motivation]. In: Bosova, L.M. (ed.) *Metodologiya sovremennoy lingvistiki: problemy, poiski, perspektivy* [Methodology of modern linguistics: problems, searches, perspectives]. Barnaul: Altai State University.
22. Kornilitsyna, E.V. (2000) Refleksivnyy v rechevoy kommunikatsii [Reflectives in speech communication]. In: Kupina, N.A. (ed.) *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of verbal communication]. Saratov: Saratov State University.
23. Mechkovskaya, N.B. (2006) Estestvennyy yazyk i metazykovaya refleksiya v vek Interneta [Natural language and metalinguistic reflection in the age of the Internet]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (12). pp. 165–185.
24. Kolesnikova, E.V. (2002) Naivnaya lingvistika i naivnaya ritorika: k probleme issledovaniya i opisaniya [Naive linguistics and naive rhetoric: the problem of the study and description]. *Filologicheskie nauki v MGIMO – Philology at MGIMO*. 11. pp. 120–130.
25. Makavchik, V.O. (2004) *Vido-vremennaya kategorizatsiya russkogo glagola v yazykovom soznanii nositeley russkogo yazyka* [Aspect and tense categorization of Russian verb in the language consciousness of native speakers of Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
26. Tseytlin, S.N. (2000) *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoy rechi* [Language and child: Linguistics of child's speech]. Moscow: VLADOS.

27. Golovko, E.V. (ed.) (2012) *"Folk linguistics": Language from Speakers' Perspective*. Paper abstracts for the conference. St. Petersburg. November 19–21, 2012. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
28. Golev, N.D. (2013) Common Gender and Russian noun gender semantics: bi-gender or non-gender? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (26). pp. 14–28. (In Russian).
29. Gorbatskaya, O.Yu. (2013) *Otrazhenie genderno-rodovykh otnosheniy v sisteme yazyka i metayazykovom soznanii nositeley yazyka* [Reflection of gender relations in the system of language and metalinguistic consciousness of native speakers]. Philology Cand. Diss. Kemerovo.
30. Norman, B.Yu. (2010) Grammaticheskaya kategoriya roda kak fragment obyden'nogo metayazykovogo soznaniya [Grammatical category of gender as a fragment of ordinary metalinguistic metalinguistic consciousness]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Pt. 3. Kemerovo: Kemerovo State University.
31. Shumarina, M.R. (2011) *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta: (metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the mirror of the art text: (metalinguistic reflection in Russian prose works)]. Moscow: Flinta: Nauka.
32. Khayrutdinova, G.A. (2003) Ekspressivnost' grammaticheskogo roda substantivov: analiz semanticheskoy struktury [Expressiveness of the grammatical gender of substantives: semantic structure analysis]. In: Aminova, A.A. & Ardamonova, N.A. (eds) *Sopostavitel'naya filologiya i polilingvizm* [Comparative philology and polylingualism]. Kazan: Kazan State University. [Online] Available from: <http://old.kpfu.ru/fil/kn1/index.php?sod=24>. (Accessed: 12th January 2016).
33. Lopatin, V.V. et al. (eds) (2004) *Russkiy orfograficheskiy slovar': okolo 180 000 slov* [Russian spelling dictionary: about 180 000 words]. Moscow: Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov, RAS.
34. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (1998) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka kontsa XX v. Yazykovye izmeneniya* [Explanatory Dictionary of the Russian language of the late twentieth century. Language change]. St. Petersburg: Folio-Press.

Received: 04 September 2016